

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

Рассвет анархии

Вольтарина де Клер

Вольтарина де Клер

Рассвет анархии

1901 год

<https://m-introduction.livejournal.com/879945.html>

События 4 мая 1886 года оказали большое влияние на ораторскую деятельность Вольтарины де Клер. После казни мучеников Хаймаркета 11 ноября 1887 года она выступала с ежегодными обращениями в честь дня памяти их жертвы. Представленная мемориальная речь была впервые произнесена в Чикаго 11 ноября 1901 года. Впоследствии ее опубликовали в чикагском журнале «Free Society», 24 ноября 1901 года. Она была переиздана в числе других мемориальных речей Вольтарины де Клер в сборнике The First Mayday: The Haymarket Speeches 1895–1910 (Cienfuegos Press, Over-the-water, Sanday, Orkney, KW17 2BL, UK), 1980.

ru.anarchistlibraries.net

1901 год

среди тяжелого зловещего мрака анонимности, эти души, которые правительственные и капиталистическая жестокость бичевала, подгоняла и жалила до слепой ярости и горечи, этих безумных молодых львов революции, этих винкельридов², подставивших под копья сердца.

² Арнольд фон Винкельрид или Эрни Винкельрид (нем. Arnold von Winkelried) — легендарный швейцарский народный герой, борец за независимость от Габсбургов. Крестьянин из Станса (в Унтервальдене), своей геройской смертью доставивший швейцарцам победу при Земпахе над герцогом Леопольдом Австрийским. Во время этого сражения (1386), когда швейцарцы не могли прорвать рядов австрийцев, В. схватил, сколько мог, неприятельских копий и, вонзив их в грудь, упал с ними на землю, чем проложил дорогу для своих.

Дух мести, который всегда глуп, совершил свой жестокий акт. Но если бы он поднял глаза от собственной работы, то увидел бы, как вдали за эшафотом тем мрачным ноябрьским утром над миром забрезжил рассвет анархии.

Итак, он пришел первым — проблеск надежды для пролетариата, призыв восстать и сбросить материальные оковы. Но постепенно, постепенно, сияние ширилось, из года в год ученые, литературные гении, художники и моральные наставники отдавали ему дань своих лучших трудов, неоплачиваемых трудов, трудов, сотворенных из любви. Сегодня это означает не только материальную эмансиацию; речь идет о плодах всех направлений мысли и действий, которые на протяжении трех сотен лет приближали нас к свободе; это означает полноту бытия, свободную жизнь.

И я, без сомнения, вижу их, несмотря на недавнюю вспышку арестов, несмотря на призывы линчевать, жечь, бросать в тюрьмы, депортировать, выжигать алую букву «А» на лбу [...], за последние две тысячи лет никакая другая идея не всколыхнула мир так, как эта — ни у какой другой нет такого потенциала разрушить барьеры между расами и рангами, привлечь магната и пролетария, поэта и механика, квакера и революционера. Никакой идеал, кроме идеала свободной жизни, не имеет силы тронуть человека, бесконечная жалость и сострадание которого одинаковы и к лицемерному священнику, и к жертве сибирских кнутов; любящего бунтаря, который бросил свой титул и богатство ради того, чтобы трудиться наравне со всеми трудящимися земли; милого талантливого певца, который пел «Ни бога, ни царя»; влюбленного, не ожидающего награды за свое чувство; самодостаточную личность, которая «не хотела бы быть рабом, и не хотела бы быть рабовладельцем»; философа, который воспел сверхчеловека; преданную женщину из народа; да, и их тоже — эти мятежные вспышки

Рассвет анархии

Позвольте начать мое обращение с признания. Я делаю это с грустью и отвращением к себе; но большие жертвы учат нас скромности, и, если мои товарищи были способны отдать жизнь за свои убеждения, я пожертвую своей гордостью. Тем не менее, я бы не делала этого ради выражения малозначащего личного мнения, если бы не думала, что в данный момент это ободрит наших сторонников, которых недавняя вспышка жестокости могла привести в уныние, и, возможно, подвигнет некоторых из тех, кто думают так, как когда-то думала я, поступать так, как я стала поступать позднее.

Вот мое признание: пятнадцать лет назад, в мае, когда эхо бомбы на Хеймаркет-сквер пронеслось над маленькой мичиганской деревней, где я жила, я, подобно прочим доверчивым и жестоким людям, прочитав газетный заголовок «Анархисты швырнули бомбу в толпу на Хеймаркет-сквер в Чикаго», тут же закричала: «Их надо повесить!». Так, хотя я никогда не верила в высшую меру наказания для уголовных преступников. За это невежественное, возмутительное, кровожадное предложение я никогда не прошу себя, хотя знаю, что умершие простили бы меня, как и те, кто их любил. Но слова, сказанные мной в ту ночь, будут звучать в моих ушах до самой смерти — горьким упреком и позором. Что я сделала? Поверила первым диким слухам о событии, о котором ничего не знала, и мысленно отправила людей на эшафот, не спросив и слова в их оправдание! В одну минуту гнева я отвергла убеждения всей жизни и

стала в глубине души палачом. И то, что я совершила, совершили миллионы — и то, что я произнесла, произнесли миллионы. Я могу назвать только одно смягчающее обстоятельство для себя и этих людей — невежество. Я не знала, что такое анархизм. Это слово мне встречалось только в истории, и оно всегда было синонимом общественных беспорядков и убийств. Я верила газетам. Я думала, эти люди бросили бомбу, без причины, в толпу мужчин и женщин, ради удовольствия от убийства. И так же подумали миллионы других. Но среди этих миллионов теперь найдется несколько тысяч, и я рада быть одной из них, тех, кто не оставил это, как есть.

Я не знаю, что воскресило во мне человеческую порядочность впервые после этого: подозрение, что я, возможно, не знаю всей правды о деле и не стоит верить газетам, или это было старое доброе сострадание к осужденным, которое, часто без причины, подсказывает сердце; но я знаю, что, хотя казнь случилась задолго до того, как я стала анархисткой, я пришла к выводу, что обвинение было ложным, суд — фарсом, а для приговора не было оснований ни по закону, ни по справедливости; и повешение, если оно произойдет, будет совершено обществом, состоящим из людей, которые сказали в первую ночь то же, что и я, и которые закрывают глаза и уши, решив ничего не знать и не видеть, быть слепыми и глухими ко всему, кроме гнева и жажды мести. Я до конца надеялась на то, что милосердие все изменит — но справедливость не восторжествовала; и со временем я поняла, что восторжествовать не могла и впредь не сможет, я разуверилась в законах и полицейских, равно как и в судьях и правителях. И все мое существо закричало от осознания, за что стояли эти люди, и почему они были повешены без доказательств их причастности ко взрыву.

меняться — напраснейшая из иллюзий. Они говорят вам, что анархия, мечта об общественном строе без правительства — нелепая утопия. Самое нелепое мечтание, которое когда-либо рождалось в сердце человека, это мечта о том, что человечество может помочь само себе, обратившись к законам, или прийти к миропорядку без рабства там, где замешано правительство.

Именно за высказывание этой идеи убили этих пяти человек. За то, что они объясняли людям, что единственный способ избавиться от страданий — для начала осознать свои права на этой планете — права на землю, все ее ресурсы и все орудия производства — а затем восстать вместе и взять их самостоительно, не взывая к шарлатанам от закона. Отмените закон — то есть, отмените привилегии — и преступления прекратятся сами собой.

Они скажут вам, что этих людей повесили за пропаганду насилия. Неужели?! Эти существа, которые обучают мужчин искусству убивать, вкладывают в их руки пистолеты и дубинки, учат стрелять и бить, радостно приветствуют новейшие разработки взрывчатых веществ, восхищаются машиной, способной убить больше людей с меньшей затратой энергии, объявляют войны на истребление народов, не желающих принимать их цивилизацию, насилиют, сжигают, вешают, казнят на гильотине и электрическом стуле, — они имеют наглость рассуждать об аморальности насилия! Действительно, эти люди защищали право насильственного сопротивления нападению. Вы едва ли найдете одного из тысячи, кто не верит в это право. Это будет либо настоящий христианин, либо анархист-непротивленец. Это не будет сторонник государства. Нет, нет; они выступали не за насильственное сопротивление в принципе, но за насильственное сопротивление тирании и за общественный строй, который раз и навсегда покончит с богатством и бедностью, с управляющими и управляемыми.

Another begetteth a daughter white and gold,
She looks into the meadow land water, and the world
Knows her no more; they have sought her field and fold
But the City, the City hath bought her,
It hath sold
Her piecemeal, to students, rats, and reek of the graveyard
mold.¹

Вы это сделали, господа, управляющие государством; вы не только поломали других, вы и сами прогнили. Вы существуете, чтобы давать привилегии тем, кто больше заплатит и неволить наемных работников, вынужденных или продавать себя в это страшное рабство, или становиться бродягами, нищими, ворами, проститутками и убийцами. И после всего содеянного как вы поступаете с теми, кого сами создали? Вы, подавшие им пример каждого злодейства? Смягчаетесь ли вы, вспомнив слова великого религиозного учителя, которому многие из вас возносят лицемерные восхваления в дни официальных религиозных праздников? Приходите ли вы с любовью к этим бедным, поломанным, жалким существам? Любите ли вы их, помогаете ли им, учите ли стать лучше? Нет: вы строите тюрьмы высокие и крепкие, и там избиваете, морите голодом, вешаете; вы отыскиваете человеческие существа настолько невыносимо деградировавшие, благодаря работе вашей системы, что они готовы убить кого скажут — лишь ради повышения заработной платы.

В этом суть правительства, оно всегда таким было — источником и защитником привилегий; институтом угнетения и мести. Надеяться, что это когда-либо может из-

¹ Подстрочный перевод: У другой родится дочь белая с золотом / Она глядит на волнистые луга, и для мира / Ее больше нет; поля и овчарни ее звали / Но Город, Город купил ее, / И потом продавал / Ее понемногу — студентам, крысам, и кладбищенской плесени.

Мало-помалу, здесь и там, я стала узнавать, что они отстаивали чрезвычайно высокие и благородные идеалы человеческой жизни, и были повешены за то, что проповедовали их простым людям — простым людям, которые были готовы их по собственному невежеству повесить — в то время как прокурор и судья хотели этого по злому умыслу! Постепенно я узнала, что это были люди, которые имели более ясное понимание прав человека, чем большинство своих товарищей; и которые, движимые глубоким состраданием и желая поделиться своим видением с товарищами, провозгласили их на Хеймаркет. Со временем я стала понимать, что страдания рабочих, их жалкое подчиненное состояние, ужасная деградация, которые тяжким бременем легли мне на сердце когда я достаточно повзрослала, чтобы мыслить (как легли каждому, кто имеет сердце и способен чувствовать), поразили их гораздо глубже — так глубоко, что они не знали покоя в поисках выхода — и это их понимание было намного глубже чем любое, когда-либо посещавшее меня.. Я никогда не питала надежды на то, что богатых и бедных больше не будет — но смутно догадывалась, что слишком богатых и слишком бедных может не быть в том случае, если рабочие, объединившись, пытаются взыскать заработную плату чуть получше и сделать рабочий день чуть короче. Послание же этих людей (а их смерть донесла его до тех, кто никогда не прислушивался к ним при жизни) в том, что любая маленькая мечта — безумие. Нужно не требовать малого, не бастовать за сокращение рабочего дня, чтобы в итоге гора родила мышь; нужно требовать большего — всего — в смелой самоуверенности рабочего трудиться столько часов, сколько он сам сочтет достаточным, а не столько, сколько решат за него — в этом выход из положения. Это послание, послание в том числе от имени других рабочих, их товарищей, как и их смерть, привлекли мое внимание, подняли меня

оттуда, где я была, на вершину, откуда я увидела крыши мастерских их маленького мира. Я увидела станки, изделия, которые люди должны производить, чтобы облегчить свою ношу — удивительные изделия, произведения искусства из стали; я увидела их железные зубы в живой плоти людей, которые создали их. Я увидела изуродованные и искалеченные культи нуждающихся людей, идущих в ночь, хромая — возможно, чтобы быть выброшенными со временем, как обломки корабля, за черту бедности; возможно, чтобы свести счеты с жизнью в каком-то тусклом углу, куда черная волна выносит свои отбросы.

Я увидела розовое пламя печи, отбрасывающее блики на лицо человека, склонившегося на ним, и точно осознала, поскольку я кое-что понимаю в жизни, что свободный человек никогда не стал бы собственной кровью кормить огонь, подобный этому.

Я видела смуглые тела, все изувеченные и истерзанные, выброшенные из пасти шахт, чтобы быть убранными в могилы, чуть менее узкие и темные, чем те, где еще живые они гнули спину по десять, двенадцать, четырнадцать часов в день; и я знала, что для того, чтобы я могла сидеть в тепле — я, и вы, и все остальные, кто никогда не занимался грязной работой — эти люди надрывались, как рабы, в своих черных могилах, и в конце концов были замучены до смерти.

Я видела около городских улиц большие кучи ужасной цветной земли, а на дне траншеи, откуда она была выброшена, так глубоко внизу, что больше ничего нельзя было разглядеть, ярко сверкали глаза, словно у дикого зверя, загнанного в нору. И я поняла, что свободные люди никогда бы не выбрали такую работу, с киркой и лопатой в этой грязной, пропитанной сточными водами земле, в этой узкой траншее, в этих убийственных испарениях канализации, десять, восемь, даже шесть часов в день. Только рабы

сделали бы это. Я видела глубоко под корпусом океанского лайнера людей, сгребающих уголь, опаленных и иссохших, как бумага на каминной решетке; и я знала, что «рекорд» этого красивого монстра и удовольствие дам, смеющихся на палубе, куплены ценой этих увядших тел и душ.

Я видела, как движутся вверх и вниз телеги с мусором, которые тянут печальные животные, погоняемые еще более печальными; ни за что человек, в полной мере принадлежащий себе, не выберет добровольно провести все свои дни среди тошнотворной вони, перебивать которую придется алкоголем.

И я видела, как на свинцовых производствах люди были отравлены; и как на сахарных заводах они сошли с ума; и как на фабриках они потеряли свою порядочность; и как в магазинах научились врать; и я поняла, что рабство заставило их делать все это. Я поняла, что анархисты были правы — все это должно быть изменено, все это было неправильно — вся система производства и распределения, вся система ценностей.

И тогда я спросила правительство; оно учilo меня задавать вопросы. Что сделали вы — вы, гаранты Декларации и Конституции — что вы сделали со всем этим? Что Вы сделали, чтобы обеспечить условия свободы людям?

Обманули, одурачили, обхитрили, надули, купили, продали и получили прибыль! Вы продали землю, которую не имели права продавать. Вы убили коренных жителей, чтобы захватить земли во имя белой расы, а затем украсть их снова, чтобы перепродать вторым и третьим грабителям. И эта купля-продажа земель согнала людей прочь от здоровой почвы и чистого воздуха на эти свалки человечества, называемые городами, где творятся все грязные дела, и грязная работа порождает грязные тела и грязные души. Наши парни развращаются раньше, чем достигнут зрелости; наши девушки — о, хорошо написал Джон Харви: